

На правах рукописи

Касаткина Ксения Вадимовна

**Тип «подпольного человека» в русской литературе
XIX – первой трети XX в.**

Специальность: 10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2016

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент **Криницын Александр Борисович**

Официальные оппоненты: **Чернышева Елена Геннадьевна**
доктор филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, профессор кафедры русской литературы

Фокин Павел Евгеньевич
кандидат филологических наук, Государственный литературный музей, ведущий научный сотрудник

Ведущая организация: **Российский университет дружбы народов**

Защита состоится «2» марта 2016 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.26 при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и на сайте филологического факультета: <http://www.philol.msu.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доцент



А. Б. Криницын

Общая характеристика работы

Типология русской литературы традиционно включает в себя следующих представителей: «лишний человек», «маленький человек» и «новый человек». Каждый из этих литературных типов¹ обладает набором легко узнаваемых примет и встречается в произведениях целого ряда писателей. На наш взгляд, среди этих традиционных устойчивых образов не хватает «подпольного человека» (который, по мнению его создателя Ф. М. Достоевского, «есть главный человек в русском мире» [16, 407²]). Ранее этот литературный тип никогда не рассматривался вне рамок творчества Ф. М. Достоевского.

В представленной работе предпринята попытка доказать, что «подпольный человек», обладая множеством устойчивых характеристик, появляется в произведениях целого ряда русских писателей – начиная с младших современников Достоевского и заканчивая прозаиками Серебряного века и даже отдельными представителями раннесоветской литературы. Указанная эпоха (с 80-х гг. XIX по первую треть XX в.) была отмечена целой филиацией «подпольных» героев, каждый из которых, с одной стороны, генетически связан с Подпольным парадоксалистом Достоевского, а с другой стороны, обладает ярко выраженной индивидуальностью.

Время существования типа «подпольного человека» в литературе – середина XIX в. – первая треть XX в. Появление этого образа связано с публикацией «Записок из подполья» в 1864 г.

«Подпольный человек» возникает в среде разночинцев как антипод «новым людям» писателей революционно-демократического направления. Вслед за героями Достоевского «подпольные люди» обнаруживаются в творчестве таких писателей, как М. Н. Альбов и В. М. Гаршин. Расцвет

¹ Под **типом** мы понимаем «обобщенный образ человеческой индивидуальности, наиболее возможной, характерной для определенной общественной среды» [Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с].

² Произведения Ф. М. Достоевского цитируются по Полному собранию сочинений в 30-ти томах Л.: Наука, 1972–1990, с указанием первой цифрой номера тома, а второй – номера страницы.

типа приходится на рубеж веков – время рефлексирующих интеллигентов, сосредоточенных на внутреннем анализе и мучительно ищущих ответы на основные вопросы бытия. После октября 1917 г. в истории страны наступает новая эпоха с совершенно иными героями, однако литературный тип, столь характерный для русского мира на протяжении нескольких десятилетий, не может исчезнуть в одночасье. В эпоху НЭПа «подпольный человек» доживает свои дни, реализуясь в образе Николая Кавалерова, героя романа «Зависть» (1927) Ю. К. Олеси. В 1930-е гг. литература «социалистического реализма» и историческая действительность сталинских пятилеток больше не нуждаются в «подпольном человеке», он исчезает из литературы, уступая место совсем другим героям.

Предметом настоящего исследования является тип «подпольного человека», представленный в творчестве Ф. М. Достоевского и далее получивший развитие в произведениях М. Н. Альбова, В. М. Гаршина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, В. П. Свенцицкого и Ю. К. Олеси.

Материалом диссертации послужило творчество Ф. М. Достоевского (повесть «Записки из подполья», романы «Идиот» и «Подросток», повесть «Кроткая»); М. Н. Альбова (рассказ «День итога»), В. М. Гаршина (рассказ «Ночь»), А. И. Куприна (рассказ «Чужой хлеб»), Л. Н. Андреева (повесть «Иуда Искарот», рассказ «Мысль» и «Рассказ о Сергее Петровиче»), В. П. Свенцицкого (роман «Антихрист. Записки странного человека») и Ю. К. Олеси (роман «Зависть»).

Целью данной работы является описание типа «подпольного человека» и изучение его эволюции в русской литературе XIX – первой трети XX в.

Для достижения поставленной цели в рамках настоящей работы предполагается решение следующих **задач**:

1. Составить типологический портрет «подпольного человека» в творчестве Ф. М. Достоевского, обобщив выделенные исследователями ранее аспекты личности героя и добавив к этой характеристике те

типологические особенности, которые ранее еще не были описаны литературоведами.

2. С опорой на осуществленный анализ рассмотреть образы «подпольных людей» в других произведениях Ф. М. Достоевского.

3. Проследить, как «подпольный человек» Достоевского реализуется в творчестве других писателей XIX – первой трети XX в.

Степень разработанности проблемы

На первый взгляд, в обширной исследовательской литературе по Достоевскому о герое «Записок из подполья» сказано немало. Этому образу посвящены труды М. М. Бахтина¹, А. П. Скафтымова², Г. А. Бялого³, В. Г. Одинокова⁴, Н. Ф. Будановой⁵, О. Г. Дилакторской⁶, Б. Н. Тихомирова⁷, Н. В. Живолуповой⁸ и многих других выдающихся исследователей. Отдельно следует отметить монографию А. Б. Криницына⁹, в которой детально исследуются жанровые особенности «исповеди» «подпольного человека».

Однако, несмотря на то что интерес к «подпольным людям» Достоевского не угасает и по сей день, устоявшегося и общепринятого представления о том, кто же такой «подпольный человек» Достоевского, в литературоведении пока не существует. Исследователи, как правило, вкладывают в понятие «подпольности» то, что представляется каждому из

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 2002. Т. 6. 799 с.

² Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.

³ Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский) // Русская литература. Л.: Наука, 1968. № 4. С. 34–50.

⁴ Одинокоев В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск: Наука, Сиб. Отделение, 1981. 145 с.

⁵ Буданова Н. Ф. «Подпольный человек» в ряду лишних людей // Русская литература. Л.: Наука, 1976. № 3. С. 110–122.

⁶ Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 348 с.

⁷ Тихомиров Б. Н. «Записки из подполья» как художественное целое. Опыт прочтения // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2010. №27. С. 40–73.

⁸ Живолупова Н. В. Герой и автор в сюжете «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского // Вопросы сюжета и композиции в русской литературе. Межвузовский сборник. Горький, 1988. С. 55–63; Живолупова Н. В. «Записки из подполья» Достоевского и субжанр «исповеди антигероя» в русской литературе второй половины 19-го 20-го века. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2015. 736 с и др. работы.

⁹ Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. 372 с.

них наиболее важным, или останавливаются на изучении отдельных аспектов личности Парадоксалиста, героя «Записок из подполья», распространяя эти выводы на ряд других героев Достоевского, но не ставя перед собой задачи создать целостное описание типа «подпольного человека». В связи с этим его образ в литературоведении выглядит несколько противоречивым.

Тот факт, что ряд героев Достоевского можно объединить на основании определенного качества «подпольности», отмечался в свое время многими исследователями. В. Г. Одинок, например, говорит о «сверхтипичности» образа «подпольного человека», называя его, наряду с «мечтателем», ключевым типом для творчества Достоевского. А. Б. Криницын пишет, что таких героев Достоевского, как Раскольников, Свидригайлов, Ставрогин, Кириллов, Иван Карамазов, «объединяет некий комплекс черт, общая психологическая основа, свидетельствующая об их “подпольном происхождении”»¹. Некоторые исследователи (например, Ю. А. Романов²) вообще относят к представителям «подпольного архетипа» большую часть героев Достоевского.

Таким образом, вопрос о том, кого именно из персонажей Достоевского можно считать в полной мере «подпольным», а в каких случаях речь идет только об определенных «подпольных» проявлениях, до сих пор остается открытым. Здесь мнения литературоведов сильно разнятся. Вероятно, эти противоречия – следствие того, что в литературоведении нет ясного и целостного описания типа «подпольного человека», которое представляло бы собой совокупность определенных характерологических и поведенческих черт (в том виде, в котором эти описания существуют для типов «лишних людей», «маленького человека» или «нового человека»).

¹ Криницын А. Б. Указ. соч. С. 9.

² Романов Ю. А. Отражение «подпольного» архетипа в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2003. №37. С. 279–288.

Что же касается выделения самостоятельного литературного типа «подпольного человека» – ранее в таком аспекте данный образ не рассматривался вообще.

В литературоведении существует бесчисленное множество трудов, посвященных влиянию творчества Достоевского на поэтику самых разных писателей, а также ряд отдельных исследований, в которых предприняты попытки сравнить образ Парадоксалиста (или иных «подпольных» героев Достоевского) с персонажами других авторов. Так, о восприятии «Записок из подполья» В. М. Гаршиным говорится в диссертации Г. А. Склеинис¹; о сходстве с Парадоксалистом героев Леонида Андреева сказано в трудах И. Ф. Анненского², Г. Б. Курляндской³, В. И. Беззубова⁴ и др.; сравнению повести Достоевского и романа Ю. К. Олеши «Зависть» посвящены исследования В. К. Шеншина⁵ и В. Н. Кузьминой⁶. Что касается остальных интересующих нас писателей, то специальных работ, посвященных влиянию «Записок из подполья» на поэтику этих авторов не существует, поскольку творчество таких писателей, как, например, М. Н. Альбов или В. П. Свенцицкий, вообще мало изучено.

Актуальность настоящего исследования обусловлена неполнотой и противоречивостью представлений о типе «подпольного человека». Выделение в литературоведении указанного типа не только способствует более целостному осмыслению творчества Достоевского, но и позволяет проследить неожиданные и глубинные взаимосвязи между совершенно разными писателями. Кроме того, исследование таких ныне забытых

¹ Склеинис Г. А. Типология характеров в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и в рассказах В.М. Гаршина 80-х гг: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т., 1992. 17 с.

² Анненский И. Ф. Книги отражений. М: Наука, 1979. С. 46–64.

³ Курляндская Г. Б. Литературная срединная Россия. Орел: Изд-во Орлов. гос. телерадиовещ. компании, 1996. – 238 с.

⁴ Беззубов В. И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллинн: Ээсти раамат, 1984. 336 с.

⁵ Шеншин В. К. Традиции Ф.М. Достоевского и советский роман 1920-х годов: К. Федин, Ю. Олеша, Л. Леонов. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 160 с.

⁶ Кузьмина В. Н. Между философией «подполья» и мироощущением «человека толпы»: (от повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» к роману Ю. Олеши «Зависть») // Сб. науч. тр. / С.-петерб. гос. ин-т культуры. СПб., 1997. № 148. С. 265–280.

авторов, как, например, М. Н. Альбов и В. П. Свенцицкий, может послужить основой для дальнейшего изучения поэтики этих писателей, которые, несомненно, внесли свой вклад в развитие литературного процесса XIX–XX вв.

Новизна работы заключается в следующем:

1. Поскольку ранее тип «подпольного человека» не рассматривался вне рамок творчества Достоевского, мы расширяем границы существования типа и доказываем, что данный тип значим для русской художественной антропологии в целом.

2. В нашей работе впервые предпринимается попытка создать детальный «типологический портрет» «подпольного человека».

3. В настоящем исследовании указывается на взаимосвязь между определенными аспектами в характере «подпольного человека». Так, в литературоведении ранее не предпринималось попыток рассмотрения мотива стыда в жизни «подпольного человека»; гордыня и самоуничижение в «подпольном» характере не рассматривались в тесной связи.

4. Влияние повести «Записки из подполья» на поэтику В. М. Гаршина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева и Ю. К. Олеши мало изучено в литературоведении. Что же касается таких авторов, как М. Н. Альбов и В. П. Свенцицкий, то их творчество вообще практически не подвергалось научному анализу.

Теоретико-методологическую основу диссертации определяют работы, посвященные проблемам изучения творчества Достоевского в следующих аспектах:

- литературно-психологическом (А. П. Скафтымов)
- типологическом (В. Г. Одинокоев, Б. Н. Тихомиров¹, Н. Ф. Буданова)

¹ Тихомиров Б. Н. «Записки из подполья» как художественное целое. Опыт прочтения // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2010. №27. С. 40–73.

- жанровом (В. Н. Захаров¹, А. Б. Криницын, Н. В. Живолупова, О. Г. Дилакторская)

- речевом (М. М. Бахтин, К. В. Мочульский², Н. Ю. Честнова³).

В работе были использованы следующие **методы**: историко-литературный, социально-генетический, историко-типологический, сравнительно-исторический, структурно-поэтический, а также метод лингвистического анализа (в параграфе о языке Подпольного парадоксалиста).

Положения, выносимые на защиту:

- Тип «подпольного человека», представленный в произведениях Достоевского, выходит за рамки творчества писателя и реализуется в произведениях других авторов XIX – первой трети XX в.

- Данный тип генетически связан с другими ключевыми типами русской литературы: типом «лишнего» и типом «маленького» человека и представляет собой антипод типа «нового человека».

- В психологии «подполья» значимы следующие доминанты: взаимосвязь гордости и самоуничтожения, чувство стыда, одиночество, этическая и психологическая двойственность сознания.

- «Подпольный человек» является одним из важнейших типов русской интеллигенции XIX – начала XX в.

- Данный литературный тип имеет свои выраженные социальные и исторические границы, которыми обусловлено его возникновение и бытование в русской литературе.

- Тип «подпольного человека» реализуется в образах Петра Николаевича Глазкова (М. Н. Альбов «День итога»), Алексея Петровича (В. М. Гаршин «Ночь»), подсудимого (А. И. Куприн «Чужой хлеб»), Иуды

¹ Захаров В. Н. Мотив свободы в сюжете «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1989. С. 107–110.

² Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 606 с.

³ Честнова Н. Ю. Литературный слог как черта речевого портрета подпольного парадоксалиста (Достоевский «Записки из подполья») // Вестник Костромского государственного университета. Кострома: Изд-во КГУ, 2009. №4. С. 66–67.

Искарюта (Л. Н. Андреев «Иуда Искариот»), доктора Керженцева (Л. Н. Андреев «Мысль»), Сергея Петровича (Л. Н. Андреев «Рассказ о Сергее Петровиче»), Странного человека (В. П. Свенцицкий «Антихрист», «Из дневника “Странного человека”»), Николая Кавалерова (Ю. К. Олеша «Зависть»).

Теоретическая значимость исследования состоит в освещении новых аспектов типологии русской литературы и творчества Достоевского в частности. **Практическая значимость** диссертации заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в вузовских курсах истории и теории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных поэтике Достоевского.

Апробация работы

Основные положения исследования излагались и обсуждались на конференциях различного уровня: Международных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск 2009, 2010 и 2011 гг.), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2013» и «Ломоносов-2014» (Москва), конференциях «Достоевский и мировая культура» (Санкт-Петербург, 2013 г.) и «Достоевский и современность» (Старая Русса, 2014 г.).

Основные выводы и результаты исследования были представлены на заседаниях кафедры истории русской литературы МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантских семинарах. По теме диссертации опубликовано 11 работ, в том числе 4 статьи в журналах, входящих в перечень ВАК.

Структура работы

Исследование состоит из введения, трех глав, каждая из которых подразделяется на параграфы, заключения и списка литературы из 245 наименований. Общий объем работы – 201 стр.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы, актуальность и научная новизна исследования, определяются предмет, материал, цели и задачи работы, освещается степень разработанности проблемы, обозначаются методы и теоретико-методологическая основа диссертации. Отдельное внимание уделено **обзору критической и научно-исследовательской литературы** по теме работы.

Первая глава исследования («**Психология подполья**») посвящена изучению и описанию основных типологических свойств «подпольного человека» на примере главного представителя данного типа – Подпольного парадоксалиста, героя повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья».

В **первом параграфе** данной главы представлен анализ происхождения типа «подпольного человека» в русской литературе. «Подпольный человек» – это результат синтеза двух литературных типов: «лишнего» и «маленького» человека. От «лишнего человека» «подпольный» наследует склонность к самоанализу и рефлексии, неспособность к реальной деятельности, отчуждение от общества, ощущение бессмысленности собственной жизни и эгоистическое самолюбие; от «маленького человека» – чувство острой социальной несправедливости и униженности, ущемленное достоинство и беспомощность, отсутствие возможности самореализации. Что же касается «нового человека», то «подпольный» герой ему противостоит и полемизирует с представителями этого типа, выражая несогласие с позитивистскими идеями и заявляя протест против механизации и упрощения человеческой природы.

Прямыми предшественниками типа «подпольного человека» в литературе можно считать таких героев, как, например, Красинский («Княгиня Лиговская» М. Ю. Лермонтова), Гамлет Щигровского уезда (одноименный рассказ И. С. Тургенева) и Чулкатурин («Дневник лишнего человека» И. С. Тургенева).

Во **втором параграфе** рассматривается взаимосвязь таких аспектов личности Парадоксалиста, как гордость и самоуничижение. Трагедия «подпольного» героя – в минимуме возможностей при максимуме амбиций. В образе Парадоксалиста перед нами предстает «маленький человек» с наполеоновскими притязаниями и байроническим самомнением. Острая неудовлетворенность жизнью вкупе с ущемленным самолюбием способствуют формированию у Парадоксалиста склонности к болезненной рефлексии. Он не в силах отказаться от этого навязчивого самоанализа, поскольку «усиленное сознание», по мнению героя, – это именно то, что и отличает его от остального «самодовольного большинства». Парадоксалист стремится поразить читателя тем, что не обошел в своей исповеди таких моментов своей жизни, о которых другие предпочли бы вовсе не вспоминать. Герой признается во всех самых неблагородных, порочащих его поступках и мыслях, как бы гордясь перед читателем своей низостью. Более того, Парадоксалист пытается разными средствами преувеличить свою подлость, представить ее в самом неприглядном виде. Окольным путем самоуничижения герой стремится удовлетворить свою болезненную гордыню и вызвать у окружающих невольное восхищение своей небывалой откровенностью.

В **третьем параграфе** рассмотрены многообразные проявления чувства стыда, которое сопровождает буквально каждый поступок Парадоксалиста. Можно выделить несколько разновидностей чувства стыда у героя:

1) стыд за какой-либо совершенный поступок: «*стыд постфактум*» (например, стыд за «развратик»);

2) стыд за то, чему еще только предстоит произойти: «*предвосхищающий стыд*», когда герой стыдится, *заранее* предчувствуя свое поражение (например, стыд, сопровождающий ожидание прихода Лизы);

3) «стыд за стыд» – своеобразная рефлексия по поводу стыда, сопровождающая воспоминания о стыде, пережитом в прошлом.

Отдельно стоит отметить, что Парадоксалист также стыдится перед читателем и за свою исповедь, хотя еще в самом начале записок герой оговаривает, что вряд ли когда-нибудь кто-либо, кроме него самого, будет читать их.

Интересно, что Парадоксалист испытывает именно стыд за самого себя и почти никогда не ощущает своей вины. Например, мы не найдем у него искреннего раскаянья за действительно дурной и малодушный поступок с Лизой: он сожалеет не о том, что издевался над девушкой, а лишь о том, что *выглядел* во время этого глупо и смешно. Это важный факт характеристики героя.

Четвертый параграф посвящен описанию взаимодействия «подпольного человека» с другими людьми, а также причин его одиночества. Отношения с людьми у Парадоксалиста складываются крайне тяжело и болезненно, так как, желая того или нет, он постоянно нарушает неписаные законы коммуникации, стремясь «преодолеть пропасть, которую ощущает между собой и другими, одним головокружительным прыжком – полным откровением»¹.

Кроме того, невозможность полноценного общения у Парадоксалиста связана с болезненным опытом детства и ранней юности. Одноклассники встречают «забитого», «молчаливого» и «дико на все озирающегося» сверстника, которого дальние родственники «сунули» в школу с глаз долой, злобными насмешками. Герой платит им той же монетой.

Интересно, что Парадоксалист в своем одиночестве как бы не совсем один. Он беспрестанно оглядывается на других людей. Его настолько беспокоит возможное осуждение общества, что это порой превращается в навязчивую идею: герою чудится, будто все взгляды обращены на него,

¹ Криницын А. Б. Указ. соч. С. 137.

что люди только и думают о его промахах и осечках, словно сотни глаз начинают неотступно следить за ним, стоит ему лишь высунуться из своего «подполья».

Положение Парадоксалиста осложняется «усиленным сознанием»: героя до иступления мучает вопрос о том, почему же он так нуждается в людях, которых до такой степени ненавидит и презирает. В этом и коренится основной психологический парадокс героя: он одновременно любит и ненавидит людей, стремится к ним и их же отталкивает, восхищается и презирает, страдает от одиночества, но, пребывая в обществе, страдает еще сильнее.

Необходимо отметить, что к моменту написания своих записок Парадоксалист оставляет попытки социализации, окончательно замыкаясь в «подполье», но, отгородившись от общества окончательно, герой тем не менее продолжает нуждаться в собеседнике. Его записки восполняют недостаток общения, служат мостиком во внешний мир. Присутствие *другого*, его влияние на текст, порождаемый героем, очень ощутимо: при разрыве физического контакта с людьми *другой*, продолжая существовать в сознании «подпольного человека», остается психологически значимым для него.

Герой сам сначала заявляет, что не собирается публиковать свои записки и создает их для себя, однако все его сочинение представляет собой либо бесконечные оправдания, либо яростные возражения мнимым оппонентам. Но эти собеседники (поскольку записки создаются для самого себя) находятся внутри героя. Они – его судьи, и судьи не благожелательные, и даже не беспристрастные, а насмешливые, презирующие Парадоксалиста (личности внутри человека презируют самого человека и насмеваются над ним) и даже не имеющие, как полагает герой, достаточно свободного времени, чтобы выслушивать его болтовню. То есть если судьи извне не находится, «подпольный человек» сам берет на себя эту роль, и поэтому *никогда не может остаться один*, наедине со

своими мыслями и чувствами, и мнимое одиночество оборачивается навязчивым присутствием *другого*. Таким образом, трагедия существования «подпольного человека» заключена не столько во *внешнем конфликте с миром*, сколько во *внутреннем конфликте с собой*, воплощающим этот мир.

Пятый параграф первой главы посвящен такому явлению, как «раздвоенность» «подпольного» сознания. Характер Парадоксалиста весь состоит из крайностей. В нем «прекрасное и высокое» причудливо сочетается с низменным и циничным, благородство, присущее его натуре, может вмиг обращаться в подлость, любовь и восхищение женщиной уживается с ненавистью и презрением к ней же. Сам Парадоксалист знает об этих контрастах своей натуры и втайне гордится ими, поскольку именно в этих противоречиях он видит свою индивидуальность, на которую, по его мнению, посягают социалисты, желающие разумного блага для человечества.

Какие же антиномии отмечает в своем характере герой? Желание «живой жизни» и бегство от нее в бесплодное умствование; трусливая нерешительность и нахальная дерзость в изложении мыслей; подлинное страдание и шутовское кривляние. Причина этой «подпольной» раздвоенности в мучительной рефлексии, которая, словно ржавчина, разъедает сомнением любое положительное основание, любую идею. Парадоксальное сознание «подполья» не признает аксиом, которые неизбежно присутствуют в любой вере в идеал.

В **шестом параграфе** нашего исследования представлен анализ идиостиля Парадоксалиста. Мы сгруппировали высказывания героя о себе, о других людях и о мире в целом, чтобы еще раз проиллюстрировать на примерах все сказанное выше.

Сам тон выражений Парадоксалиста призван оскорбить вкус читателя, его определения и сравнения экспрессивно окрашены и стилистически снижены и рассчитаны опять же на то, чтобы поддержать в

читателе впечатление неблагообразия героя. Парадоксальность, проявляющаяся у него во всем, обнаруживает себя даже на языковом уровне. Герой и здесь пытается совместить несовместимое: выстроить сложный публицистический монолог, используя для этого разговорные конструкции и грубую, сниженную речь. С помощью особенностей синтаксиса (бесконечных пояснений, отступлений и ремарок) создается впечатление какой-то «виляющей» речи, а также ощущение неуверенности говорящего в себе: герой не выражается прямо, а все время как бы одергивается, оговаривается, бросает мысль на полпути и начинает новую (это именно тот тип речи, который Бахтин назвал «словом с лазейкой»¹ и «словом с оглядкой»²).

В **седьмом параграфе** подводятся итоги первой главы и представляется обобщенный «типологический портрет» (набор значимых характеристик) «подпольного человека», который в дальнейшем будет использован для выявления «подпольных героев» в русской литературе. Тип «подпольного человека» характеризуют следующие черты:

1. Гордость и самоуничтожение, постоянное чувство стыда; ощущение собственной ничтожности, оскорбленное самолюбие.

2. «Усиленное сознание», сомнение как основа мыслительной деятельности героя.

3. Индугенция на дурные, низкие, несправедливые и греховные мысли и поступки, которую герой выдает сам себе ввиду собственного «покаяния» (в рамках «подпольной» логики факт признания своих слабостей является достаточным условием для «отпущения грехов»).

4. Противопоставление себя окружающим, желание быть первым, властвовать над людьми. Отказ от общепринятых ценностей и моральных норм, собственный взгляд на «хорошее» и «дурное», отсутствие веры в «общие правила».

¹ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 227

² Бахтин М. М. Там же. С. 261

5. Неумение и нежелание строить отношения с людьми, одиночество как сознательный выбор или вынужденное изгнанничество и в то же время мучительное желание быть понятым и оцененным по достоинству. Невозможность примирения и прощения.

6. Значимость *другого* (собеседника), моделирование мнения и слов *другого* о себе, постоянная оглядка на *другого*.

7. Этическая и психологическая раздвоенность, сочетание в «подпольном» характере несовместимых крайностей.

8. Идеологическая составляющая типа «подпольного человека». *Идея* как синоним веры.

9. «Наслаждение страданием» (как собственным, так и причинением его другим). Эксперименты над людьми (для самоутверждения или желания совершить «пробу» *Идеи*).

10. «Отвлеченность», «книжность» мышления, склонность к теоретизированию, озабоченность вопросами бытия, литературоцентричность сознания.

11. Исповедь как наиболее органичная форма самопрезентации типа.

Вторая глава данного исследования посвящена другим представителям типа «подпольного человека» в творчестве Достоевского. Глава содержит три параграфа, каждый из которых посвящен описанию «подпольных» свойств соответствующего героя.

В образе **Аркадия Долгорукого** (роман «Подросток») реализуются все выделенные нами черты «подпольного» типа: взаимосвязь гордости, самоуничтожения и стыда (Аркадий, стыдясь своего незаконного происхождения, в какой-то момент начинает бравировать им, выставляя напоказ то, чего он больше всего стыдится, и испытывает при этом определенное удовольствие от самоунижения); «усиленное сознание» (Подросток мучительно, годами переживает все унижительные моменты своей жизни); явное противопоставление себя миру (герой отмечает, что уже с двенадцати лет «стал не любить людей», а все сверстники

«оказывались ниже его мыслями» [13, 72]) и как следствие – уход в «подполье» (Аркадий называет это «скорлупой»); одиночество и страдание, которое приносит взаимодействие с обществом; тяга к власти и мучительству, особенно проявляющаяся в отношениях с женщинами (Подросток с удовольствием думает о том, что имеет власть над Ахмаковой, называет ее своей жертвой, «властелином судьбы ее» [13, 63]); *Идея* достижения ротшильдовского богатства, поглощающая все помыслы героя.

Однако Аркадий существенно отличается от всех остальных «подпольных людей» тем, что он является единственным героем Достоевского, которому удалось преодолеть «подполье». Подросток, описывая произошедшие с ним события, эволюционирует на глазах – к концу романа это уже совсем другой человек. Выход из «подполья» стал возможен благодаря наличию любящей семьи, которой обычно лишены другие представители типа и которая не дает Аркадию погрузиться «в скорлупу», позволяя преодолеть крайний индивидуализм «подполья».

Однако у «подполья» существует еще один выход, которым попытался воспользоваться герой романа «Идиот» **Ипполит Терентьев**. Этот исход прибегает в качестве крайнего варианта (то есть на случай унижения, несовместимого с жизнью) каждый «подпольный человек». Это самоубийство. Поскольку Ипполит заранее знает, что через несколько часов покончит с собой, он начинает вести себя как в последнюю минуту существования мира (Ипполит подчеркивает это цитатой из Апокалипсиса: «Времени больше не будет» [8, 318]), а значит, можно высказать миру все, что наболело, не боясь мучительного стыда.

Вопрос, к которому герой возвращается на протяжении всей исповеди и который пытается разрешить для себя, – стоит ли жить несколько недель? Этот вопрос он даже называет своей *идеей*. С помощью самоубийства Ипполит рассчитывает отомстить жизни, принимающей «такие странные, обижающие его формы» [8, 341], проявить «высшее

своеволие». Ипполит постоянно акцентирует внимание на своей болезни, словно гордится ею. Он ведет себя вызывающе, что характерно для «подпольного человека», доведенного до состояния «крайней черты». При всем том Ипполиту свойствен «подпольный» стыд; совершая свои эксцентрические выходки, он поминутно оглядывается на реакцию окружающих. Он готов даже застрелиться еще раз, лишь бы доказать всем, что осечка произошла непреднамеренно.

Кроме того, герой демонстрирует признаки «усиленного сознания» и тяги к мучительству и тирании.

На примере еще одного «подпольного человека» Достоевского – безымянного **ростовщика из повести «Кроткая»** – описана модель поведения представителей этого литературного типа в любовных отношениях. Одиночество героя в юности, неприязнь товарищей и унижительное изгнание из полка за отказ от дуэли способствуют зарождению в нем обиды на людей и желания отомстить. Болезненная рефлексия и оскорбленное самолюбие ожесточают героя, делают его нечувствительным к страданиям других людей; единственный отклик, который чужие муки способны вызвать в душе рассказчика, – это злорадное удовольствие от их созерцания.

В повести «Кроткая» показан, пожалуй, единственно возможный путь развития отношений «подпольного человека» с женщинами: для него не существует понятия равноправных, взаимоуважительных отношений. Всю жизнь оказываясь в положении «униженных и оскорбленных», герой «Кроткой» желает «отыграться» на супружестве. «Подпольный человек» не способен на подлинное великодушие в любви; обычные человеческие отношения кажутся ему скучными и ненужными: он сам изобретает правила игры и навязывает их своей возлюбленной.

Однако мучительство – все же не самоцель для героя, а скорее приятный сопутствующий процесс. Ростовщик ставит своей задачей воспитать для себя «правильную» жену и даже друга. Но эта дружба, по

убеждению героя, возможна не иначе как после психологического слома супруги: без окончательного подчинения, безоговорочного уважения и побежденной гордости достичь желаемого невозможно. В итоге битва двух самолюбий заканчивается смертью героини – как раз в тот роковой момент, когда ростовщик принимает решение прекратить мучить возлюбленную и перевоплотиться в роль доброго и любящего супруга.

В третьей главе диссертации рассматриваются примеры реализации типа «подпольного человека» в творчестве других русских писателей. Каждому герою отведен соответствующий параграф.

Герой «психиатрического этюда»¹ М. Н. Альбова «День итога» **Петр Николаевич Глазков** воплощает в себе целый ряд типологически значимых характеристик «подпольных людей»: замкнутое, уединенное существование в «подполье», уход от внешнего мира во внутреннюю реальность, склонность к «усиленному сознанию»; гордость и тщеславие, которые проявляются в самоуничижении и стремлении достигнуть нравственного дна; постоянный мучительный стыд за самого себя; «подпольная» двойственность натуры: сочетание благородных, возвышенных стремлений с эгоизмом и имморализмом; повышенная нервная возбудимость и колебания в самооценке; конфликтные отношения с обществом и склонность к эпатажным выходкам.

Особенно явно «подпольность» у Глазкова проявляется в отношениях с возлюбленной – Катей Ершовой. Герой постоянно мечется между любовью и ненавистью к девушке, пытается разорвать тягостную связь с ней, но не выдерживает и то и дело предпринимает судорожные попытки вернуть Катю – но лишь для того, чтобы, убедившись в ее преданности, грубо и жестоко оттолкнуть ее вновь. Последняя встреча Глазкова с Катей заканчивается тем, что герой требует от нищей возлюбленной, чтобы та заплатила его огромный долг перед квартирной хозяйкой, а потом оставила его навсегда. Конечно, Глазков понимает, что

¹ Авторское определение жанра.

поступает подло, однако он быстро находит оправдание своему поступку в полном соответствии с «подпольной» логикой: для Кати выплата огромного долга станет утешением после того, как возлюбленный покончит с собой, ведь с его стороны было бы бесчеловечно лишить ее этого «последнего удовольствия».

Героя рассказа В. М. Гаршина «Ночь» **Алексея Петровича** с Глазковым, помимо типологических сходств, роднит еще и намерение покончить жизнь самоубийством. Жизнь для героя Гаршина – «сплошная ложь», «ряд безобразных и мрачных картин»¹, в своей душе он не видит ничего, кроме грязи, а суицид для героя – это способ избавиться от мук уязвленного самолюбия. Отношения с миром у Алексея Петровича двойственные: с одной стороны, он презирает окружающих людей, а с другой, – желает им понравиться. Герой гордится глубиной своего падения и обвиняет самого себя в самых тяжких грехах, испытывая «подпольное» наслаждение от самобичевания и злорадствуя, втоптывая в грязь все прекрасное, что есть в его душе. Он тоскует по «живой жизни», которая в сознании героя связана с верой в Христа и светлым образом детства. Алексею Петровичу, как и всем «подпольным» людям, свойственно «усиленное сознание», переданное в произведении посредством трех внутренних голосов, выполняющих роль судей героя.

Следующий параграф третьей главы посвящен последнему в XIX в. представителю типа «подпольного человека» – **безымянному герою** из рассказа А. И. Куприна «Чужой хлеб». Рассказчик произносит свою «подпольную» исповедь на суде в качестве обвиняемого в поджоге дома своего благодетеля. Подсудимый, отличающийся болезненной чувствительностью и впечатлительностью, описывает невыносимое унижение, которое он испытывал, пользуясь гостеприимством и средствами графа Венцепольского. Мучительный стыд и издевательство других приживальщиков графа довели героя до преступления.

¹ Гаршин В. М. Сочинения. М.: Художественная литература, 1983. С. 116.

В **четвертом параграфе** рассмотрены сразу три представителя типа «подпольного человека», вышедшие из-под пера одного из наиболее выдающихся прозаиков Серебряного века – Леонида Андреева.

На первый взгляд, эти герои не особенно похожи – это объясняется тем, что они воплощают разные личностные доминанты типа «подпольного человека». У **Иуды Искарота** сильнее выражены качества, связанные с *психологией* «подполья»: своеобразное хвастовство своим выдающимся уродством, самоуничтожение, тяга к выставлению своих пороков напоказ. Мнение *другого* (Христа и его учеников) для Иуды очень важно, несмотря на все презрение к окружающим. Наблюдая за избиением Христа, герой отмечает в себе одновременно острое наслаждение и невыносимое страдание.

У **доктора Керженцева** заметнее байронические черты злодея, сильнее противопоставление себя миру, он совсем не страдает от своего одиночества, его изгнанничество – добровольное; кроме того, Керженцев отмечает сильное влияние литературы на свою жизнь.

Однако у этих героев есть много общего: наличие «подпольной» *Идеи*, почвой для которой является возвеличение своей персоны, глубокая внутренняя жизнь и рефлексия, они оба не принимают ценностей и морали «обычных людей», оба любят экспериментировать над окружающими.

Идея Иуды заключается в стремлении стать первым учеником Христа, отеснив от него остальных. Аналогия с «подпольными» людьми очевидна: Иисус – Бог, а Иуда хочет быть первым после Бога, а значит, лучшим, главнейшим из смертных – именно то, чего жаждут все «подпольные люди» Достоевского. Для воплощения *Идеи* Искарот решает предать Иисуса в руки врагов и во время казни стать единственным, кто останется рядом. В соответствии с «подпольной» логикой Иуды, истязание и убийство самого дорогого человека – это вполне подходящий путь доказательства своей преданности. Стремление заявить «высшее своеволие» важнее жизни самого близкого человека. Это

высшая степень того, о чем писал Парадоксалист: о праве человека пожелать себе (и другим) вредного, о том, что наиболее нерациональное, «вредное хотение» и есть самое сильное.

Идея доктора Керженцева – убить из мести мужа своей возлюбленной – так, чтобы все это видели, и остаться при этом безнаказанным, для чего тот притворяется сумасшедшим. Однако наказание все равно настигает преступника. В его внутренний мир, полный самодовольства и презрения к окружающим, однажды врывается самая что ни на есть «подпольная» мысль и в одночасье обращает этот мир в руины: «Ты думал, что ты притворяешься, а ты был сумасшедшим. Ты маленький, ты злой, ты глупый, ты доктор Керженцев. Какой-то доктор Керженцев, сумасшедший доктор Керженцев!»¹. Когда его собственная мысль «изменяет» ему, герой осознает, что из «сверхчеловека» он превратился в «сверхничтожество».

Еще один вариант андреевского «подпольного человека» – это **Сергей Петрович** из одноименного рассказа. Сергей Петрович, как и Парадоксалист, не удовлетворен своим существованием. Герой признается себе в том, что он некрасив и неумен, не обладает никакими талантами, неловок и беден. Однако до поры до времени он просто неудачливый мечтатель. Сознание героя переворачивается благодаря книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Идея о сверхчеловеке целиком захватывает ум героя и в итоге приводит его к самоубийству вследствие обиды на скупость судьбы, не отмерившей ему ни талантов, ни красоты, ни денег.

Другой представитель типа «подпольного человека» рубежа веков появляется в творчестве протоиерея В. П. Свенцицкого. **Странный человек**, герой романа «Антихрист», с первых страниц признается в крайней развращенности, скрываемой под маской скромности и целомудрия.

¹ Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Книжный клуб Книготек, 2012, с. 423.

Прежде всего, сходство героев Достоевского и Свенцицкого заключается в склонности обоих персонажей к глубокой рефлексии. Герою «Антихриста», как и всякому «подпольному человеку», для оправдания своей жизни и преодоления страха смерти необходим некий высший смысл (*Идея*), и он найден в служении антихристу, в подготовке его окончательного воцарения на земле: «Я – Антихрист. Эта мысль приводила меня почти в восторг! Смысл жизни был найден»¹.

Герою Свенцицкого присуща этическая лабильность, у него отсутствуют четко определимые нравственные принципы. Вспомним, что Достоевский писал о «подполье»: «Причина подполья — уничтожение веры в общие правила» [16, 330]. Странный человек не чувствует внутри себя искренней и глубокой *потребности* делать добро и бороться с собственными пороками. Как для каждого «подпольного», для героя Свенцицкого зло эстетически более привлекательно, чем добро или во всяком случае нормальная (а потому заурядная, на взгляд «подпольного человека») порядочность. Найдя смысл жизни в миссии антихриста, герой Свенцицкого в своих «Записках» начинает педалировать тему собственной жестокости и безнравственности, что должно послужить для читателя подтверждением его демонической природы. Оценивая свои поступки как дурные и аморальные, Странный человек, как и положено герою «подполья», любит себя, с наслаждением описывая всю глубину своего нравственного падения. Говоря о собственной греховности, Странный человек особо подчеркивает, что он не просто какой-то мелочный, пошлый развратник, как все окружающие, а вдохновенный художник порока. Подобный нарциссический демонизм очень характерен для молодых «подпольных людей» Достоевского (в зрелом возрасте они больше предпочитают роль шута, а не демона).

¹ Свенцицкий В. П. Собрание сочинений. Второе распятие Христа. Антихрист. Пьесы и рассказы (1901–1917). М.: Дарь, 2008. С. 116.

Странный человек постоянно подчеркивает свою тягу к сексуальному насилию над женщинами. Не решаясь осуществить физическое насилие над возлюбленной, он компенсирует это насилием нравственным. Герой демонстрирует все ту же характерную для «подпольных» людей модель отношений с возлюбленной: сначала он упорно добивается любви девушки, а завоевав ее расположение, превращается в жестокого тирана, не устающего испытывать на прочность чувства любимой женщины.

В шестом параграфе третьей главы представлен анализ образа последнего «подпольного человека» – **Николая Кавалерова** («Зависть» Ю. К. Олеши). После революции тип «подпольного человека» постепенно начинает уходить в прошлое, уступая место другим героям, большинство из которых генетически связаны с типом «нового человека». Эпоха 1920-х гг. способствует некоторому обострению отдельных «подпольных» черт, ведь многие социалистические идеи, с которыми яростно полемизировал Парадоксалист, в этот период воплощаются в реальности. «Усиленное сознание» «подпольного человека» этой эпохи становится не нужно и даже вредно в 20-е гг.: стране не нужны отвлеченно теоретизирующие, тонко чувствующие, невротические личности, а нужны рабочие руки, трезвое, позитивное мышление, трудоспособность и энтузиазм. Сознывая это, Кавалеров выбирает для самоутверждения совершенно «подпольный», окольный путь – самоуничтожение.

Кавалеров – один из наиболее ярких представителей изучаемого нами типа – *буквально* доводит до конца и воплощает некоторые идеи Парадоксалиста. Так, например, герой Олеши устраивает «литературный протест» в пивной: произносит длинный и высокопарный обличительный монолог, в результате чего оказывается выброшенным из заведения (именно то, о чем мечтал и на что не решался герой Достоевского).

Болезненное самолюбие Кавалерова заставляет его придавать значение таким мелочам, которых не замечают другие. Он уверен, что

окружающие люди (и даже вещи) настроены по отношению к нему насмешливо и враждебно. Но особенную подозрительность проявляет Кавалеров по отношению к приютившему его Андрею Бабичеву, в каждом слове которого молодому человеку чудится оскорбительное высокомерие или презрительная издевка. Мнительность героя приводит к тому, что вместо чувства благодарности к Бабичеву, Кавалеров начинает испытывать к своему покровителю жгучую ненависть за то, что тот «подавил его», «сел на него»¹, за то, что Бабичев, будучи просто «невежественным и тупым сановником», оказался нужнее обществу, чем он, тонкий и умный поэт Кавалеров. Однако отношение молодого человека к Бабичеву нельзя определить однозначно – это причудливое сочетание ненависти, презрения, зависти, обожания, жажды внимания, ревности и обиды (вполне типичный для данного литературного типа комплекс).

Приступы безудержной тяги «подпольного человека» к немедленному, сиюминутному сближению, нарушающие все законы коммуникации, более чем характерны для Кавалерова. Если сближения не происходит, герой начинает буянить и выкрикивать оскорбления. Вообще, Кавалеров – это человек-скандал, еще даже в большей степени, чем Парадоксалист.

Еще одной чертой, указывающей на принадлежность Кавалерова к типу «подпольного человека», служит его жестокость по отношению к близкой ему женщине. Если Парадоксалист оскорбляет Лизу предложением денег, то Кавалеров идет дальше: он избивает вдову Анечку Прокопович за то, что та не похожа на юную, прекрасную и недоступную Валу, за то, что вдова олицетворяет собой «символ его мужской униженности»².

Но на психологии сходство не заканчивается – Парадоксалист и Кавалеров очень близки друг другу идейно: у героя Олеси мы находим ту

¹ Олеша Ю. К. Заговор чувств: Романы. Рассказы. Пьесы. Статьи. Воспоминания. Ни дня без строчки. СПб.: Кристалл, 1999. С. 39.

² Олеша Ю. К. Там же. С. 23.

же самую основу для *Идеи*, что и у Парадоксалиста: оба героя ненавидят и хотят разрушить выдуманный социалистами «хрустальный дворец всеобщего благополучия», роль которого в «Зависти» выполняет проект общественной столовой «Четвертак».

В **Заключении** подводятся итоги работы, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Важным итогом работы является вывод о том, что тип «подпольного человека», впервые описанный Достоевским, выходит за рамки произведений писателя и реализуется в творчестве других авторов XIX – первой трети XX в.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Касаткина К. В. Иуда Искариот Леонида Андреева как «подпольный человек» Серебряного века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Часть 2. С. 100–102.

2. Касаткина К. В. О некоторых особенностях психологии «подполья» в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 1. С. 164–171.

3. Касаткина К. В. Николай Кавалеров как представитель типа «подпольного человека» в русской литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2015. №3. С. 30–36.

4. Касаткина К. В. Тип «подпольного человека» в романе Ю. К. Олеши «Зависть» // Вестник Ленинградского гос. университета им. Пушкина. 2015. №3. Том 1. Филология. С. 17–25.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

5. Касаткина К. В. Подпольный человек Ф. М. Достоевского и герои Л. Н. Андреева. К вопросу о типологическом родстве // Достоевский и мировая культура. 2014. №31. С. 243–259.

6. Касаткина К. В. Николай Кавалеров – «подпольный человек» 20-х гг. XX в. Доклад // Достоевский и современность. Материалы XXIX Международных Старорусских чтений 2014 г. 2015. С. 243–258.

7. Касаткина К. В. Николай Кавалеров: «подпольный» конфликт с эпохой. Тезисы // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2014. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

8. Касаткина К. В. Взаимосвязь мотивов гордости и самоуничтожения в характере Подпольного парадоксалиста. Тезисы // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

9. Касаткина К. В. Мотивы «гордости» и «самоуничтожения» в произведениях Ф. М. Достоевского». Тезисы // Материалы XLVII международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Литературоведение. Новосибирск: Редакционно-изд. центр НГУ, 2009. С. 22–23.

10. Касаткина К. В. Мотив стыда в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья». Тезисы // Материалы XLVIII международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Литературоведение. – Новосибирск: Редакционно-изд. центр НГУ, 2010. С. 45.

11. Касаткина К. В. Трансформация типа «подпольного человека» в произведениях Леонида Андреева «Иуда Искарот» и «Мысль». Тезисы // Материалы XLIX международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Литературоведение. Новосибирск: Редакционно-изд. центр НГУ, 2011. С. 35–37.